

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Материалы XXIII Международной
научной конференции факультета иностранных языков
Томского государственного университета
(студенческая секция)

21–24 октября 2012 г.

Томск
2013

МОЖЕТ ЛИ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ ГОВОРИТЬ О НЕЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА?

М.Н. Шалдяков

Томский государственный университет

Исследование выполнено в рамках государственного контракта № 14.В37.21.0986 на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.2.1, проект «Семантическая недоопределенность и ее онтологические следствия в философии информации и коммуникации».

Нам кажется, что никто не будет пытаться оспорить существование множества различных, более того, весьма разнообразных картин мира. Эти картины сосуществуют или сменяют друг друга, одни из них противоречат другим, некоторые содержат неявные противоречия, иногда мы склонны говорить, что одна картина мира никак не взаимодействует (не связана) с другой, или утверждать, что они дополняют друг друга. В некоторых случаях можно вполне осмысленно говорить, что определённая картина мира является как бы составной, то есть она разложима на множество некоторым образом подчинённых ей картин, которые, сочетаясь, образуют нечто общее. Примером в данном случае может служить так называемая научная картина мира, составными частями которой являются картины, формируемые отдельными науками. Причём, например, физическая картина мира также «распадается» на картины мира термодинамики, квантовой механики, общей теории относительности и так далее. В подобных рассуждениях, пожалуй, нет ничего необычного и нового. Ничего собственно философского в них тоже нет. То есть мы хотим сказать, что не нужно обращаться к философии, к философской традиции, для того чтобы высказывать нечто подобное. Ну а что же по этому поводу могут сказать философы? На самом деле практически всё что угодно, говорить за всех не имеет смысла. Но мы можем уточнить вопрос так, чтобы он

допускал возможность осмысленного ответа, притом одного. Мы предлагаем в связи с этим ограничиться рассмотрением аналитической философии, то есть одного из основных направлений в современной философии.

В соответствии с нашими целями будет разумно сначала обратиться к истории. Для философии второй половины девятнадцатого и начала двадцатого века характерно постоянное увеличение интереса к проблемам языка, эта тенденция привела к значительному переосмыслению задач философии, философских методов, а так же к трансформации её проблемной области. Примечательно, что нельзя назвать кого-то определённого инициатором этих фундаментальных изменений. То есть, невозможно выделить определённого философа, философский кружок или направление, которому принадлежит авторство тезиса о

фундаментальной роли языка, о первичности проблем языка по отношению к прочим философским проблемам. Таким образом, мы утверждаем здесь, что поворот к языку является общефилософской интенцией. Можно также сказать, пользуясь метафорой, что большинство философов после лингвистического поворота начали смотреть на классические философские проблемы и вопросы сквозь призму языка.

Перейдём теперь собственно к аналитической философии. Стоит отметить, что в рамках данного направления произошёл ещё один важный поворот, его называют прагматическим. Суть прагматического поворота заключается в отказе от анализа языка как такого, языка самого по себе, как бы помещённого в вакуум, а также от попыток создания некоего идеального, совершенного искусственного языка, который был бы «очищен» от вводящих в заблуждение особенностей естественных языков, в пользу анализа языка в совокупности или связи с той или иной разновидностью реальной человеческой практики. И в данном случае опять же невозможно указать на какого-то определённого философа как на инициатора этого поворота. Правильнее будет говорить о том, что причиной таких изменений была ставшая очевидной несостоятельность некоторых проектов ранней аналитической философии, а вместе с ними были поставлены под сомнение и методы и цели, которые использовались в рамках осуществления этих проектов. Причём выше сказанное относится как аналитической философии в целом, так и к отдельным аналитическим философам, например, к Людвигу Витгенштейну и Рудольфу Карнапу. Замечание о прагматическом повороте важно здесь хотя бы потому, что, придерживаясь позиции, например, логического позитивизма, вообще невозможно говорить о картинах мира и не противоречить самому себе, ведь в рамках этого направления задачей философии считалось прояснение и очищение языка науки от метафизических положений (и предложения о картинах мира в данном случае сочли бы метафизичными), при этом полностью отрицалась её, философии, мировоззренческая функция.

Итак, что же можно сказать по поводу картин мира с точки зрения прагматически ориентированной аналитической философии? Ну, например, следующее: «Наш язык изначально рисует какую-то картину. Что делать с этой картиной, как ее использовать это остается неясным. Очевидно, однако, что ее нужно исследовать, если мы хотим понять смысл наших высказываний. Но картина кажется нам чем-то таким, что снимает с нас необходимость этой работы; она уже указывает нам определенное применение. Таким образом она берет нас в плен» [1. С. 269]. Как понимать этот пассаж из «Философских исследований» Людвиг Витгенштейна? Для начала стоит отметить, что картины мира не могут существовать просто так, сами по себе, то есть в отрыве от соответствующих им практик или форм деятельности (форм жизни). Тот или иной язык, например язык термодинамики, если мы принимаем его, как бы даёт нам готовую картину мира; принимая данный язык, мы не можем просто отбросить соответствующую ему картину, но мы также не в состоянии вырвать картину мира из контекста определённой практики и соответствующего языка: картина мира без такого контекста теряет всякий смысл, собственно говоря, она перестаёт быть картиной мира. Таким образом, картина мира неразрывно связана с нашим языком и нашими действиями, которые осуществляются по некоторым правилам (проблема следования правилу является одной из наиболее важных как для самого

Витгенштейна позднего периода, так и для аналитической философии в её современном виде). При этом опасность, которая имеет здесь место, связана с тем, что у нас может создаться такое впечатление, как будто картина полностью исчерпывает применение правила, то есть действия с ним согласующиеся, обнаружение и критику ошибок, исправление и так далее, что картина уже даёт нам полную ясность в отношении наших действий и нашего языка. Но картина, с точки зрения Витгенштейна, сама по себе проблематична, и нам стоит подвергнуть анализу ту роль, которую она играет в нашей языковой игре. В чём же заключается проблематичность той картины, которую «рисует нам язык»? Например, в том, что картина может склонить нас к мыслям, что то или иное правило уже содержит в себе в «сжатом», неразвёрнутом виде все возможные случаи своего применения. То есть, формулируя правило построения ряда чётных чисел, мы уже подразумеваем, что за 1000 следует 1002, а не 1004 и так для любых соседних членов ряда. В самом деле, если мы дадим кому-нибудь задание построить ряд чётных чисел, и нас спросят, подразумеваем ли мы, что за 1000 должен следовать 1002 а не 1004, или нет, то мы, должно быть, ответим утвердительно. Может показаться, что задавая правило для построения этого бесконечного ряда мы, наше сознание, в миг «пробегаем» его целиком. Но это невозможно. Более того, в этом нет никакой необходимости, причём это касается как бесконечных рядов, так и рядов с конечным числом членов, ничего подобного не требуется и для всех прочих типов правил (для принятия закона не требуется представлять себе разом всех случаев его применения в юридической практике). Картина, предоставленная нам тем или иным языком, «заставляет» нас думать, что правило есть нечто достаточное для своего применения, но это не так: для применения правила требуется практика, в рамках которой правило применяется и имеет смысл, которой обучаются, в рамках которой правило становится сходно с привычкой. Действовать в соответствии с правилом – это навык, умение.

Для иллюстрации позиции прагматически ориентированных аналитических философов будет целесообразно также привести здесь взгляды Рудольфа Карнапа и Уилларда Куайна. Оба эти философа вводят термины, имеющие некоторое сходство с языковой игрой Витгенштейна, это языковой каркас и концептуальная схема соответственно. Карнапа интересовали искусственные языки, язык науки, в первую очередь, его концепцию языковых каркасов следует рассматривать как инструмент формализации и анализа научных теорий, а значит её приложимость к естественным языкам, по крайней мере, значительно ограничена и проблематична. Позиция Куайна в нашем случае более интересна, стоит, однако, отметить преювственность, которая имела здесь место: концепция Куайна фактически является развитием взглядов Карнапа, с учётом ряда критических аргументов номиналистического характера и принятия холизма относительно дихотомии аналитического и синтетического. Основным интересующим нас аспектом позиции Куайна является онтологическая относительность. Она заключается в том, что онтология ставится в зависимость от выбора той или иной концептуальной схемы, то есть от языка. Различные языки обладают различными онтологическими обязательствами, то есть принимая тот или иной язык, мы должны признавать существующими различные виды объектов, например, принимая язык арифметики, мы обязаны признать числа существую-

щими. Мы не можем усомниться в существовании каких либо типов объектов, навязанных нам концептуальной схемой, оставаясь при этом в рамках этой схемы. Таким образом, можно сказать, что язык предоставляет нам готовую картину мира. Здесь мы видим определённое сходство между позициями Куайна и Витгенштейна.

Какой вывод можно сделать из сказанного выше? С точки зрения аналитической философии, картина мира всегда связана с языком, она задаётся им, она не существует в отрыве от него, она выражается в нём. То, какой картиной мира мы обладаем, зависит от того, какой язык мы принимаем. Нет никаких оснований утверждать, что существуют неязыковые картины мира. Любая картина мира с необходимостью является языковой картиной мира. Аналитический философ не может, да и вряд ли захочет, говорить о неязыковых картинах мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. I.